

ЭДГАР АЛЛАН

ПО

✧
Повесть о приключениях
Артура Гордона Пима
Рассказы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111 -3(73)
ББК 84 (7Сое)-44
П41

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

По, Эдгар Аллан.

П41 Повесть о приключениях Артура Гордона Пима.
Рассказы : [сборник : перевод с английского] /
Эдгар Аллан По. — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-110664-5

Повесть о приключениях Артура Гордона Пима — единственный законченный роман родоначальника триллеров Эдгара Алана По. Сам автор пытался выдать его за реальный документ, ведь роман начинается как обычное повествование о морских приключениях. Тем более странными и страшными становятся дальнейшие события, которые приводят к скорому концу, пропитанному ужасом необъяснимого.

И хотя при жизни автора критики называли роман «неудачей», он стал самым переводимым произведением По. Перевод на французский был сделан Шарлем Бодлером. Другой француз — Жюль Верн — написал продолжение романа под названием «Ледяной сфинкс». Герберт Уэллс называл «Повесть...» одной из трех книг особенно поразивших его детское воображение. «Хребты безумия» Говарда Лавкрафта полны аллюзий к приключениям Пима.

Роман печатается в переводе Г. Злобина.

Рассказы, вошедшие в сборник, демонстрируют все грани таланта Эдгара По — новатора, юмориста и мастера острого сюжета.

УДК 821.111 -3(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110664-5

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Повесть о приключениях
Артура Гордона Пима*

Предисловие

Несколько месяцев тому назад, по возвращении в Соединенные Штаты после ряда удивительнейших приключений в Южном океане, изложение которых предлагается ниже, обстоятельства свели меня с несколькими джентльменами из Ричмонда, штат Виргиния, которые обнаружили глубокий интерес ко всему, что касалось мест, где я побывал, и посчитали моим непременным долгом опубликовать мой рассказ. У меня, однако, были причины для отказа, и сугубо частного характера, затрагивающие только меня одного, и не совсем частного.

Одно из соображений, которое удерживало меня, заключалось в опасении, что поскольку большую часть моего путешествия дневника я не вел, то я не сумею воспроизвести по памяти события достаточно подробно и связно, дабы они и казались такими же правдивыми, какими были в действительности — не считая разве что естественных преувеличений, в которые все мы неизбежно впадаем, рассказывая о происшествиях, глубоко поразивших наше воображение.

Кроме того, события, которые мне предстояло изложить, были столь необыкновенного свойства и притом никто в силу обстоятельств не мог их подтвердить (если не считать единственного свидетеля, да и тот индеец-полукровка), — что я мог рассчитывать лишь на благосклонное внимание моей семьи и тех моих друзей, которые, зная меня всю жизнь, не имели оснований сомневаться

в моей правдивости, в то время как широкая публика, по всей вероятности, сочла бы написанное мною беззастенчивой, хотя и искусной выдумкой. Тем не менее одной из главных причин того, почему я не последовал советам своих знакомых, было неверие в свои сочинительские способности.

Среди виргинских джентльменов, проявивших глубокий интерес к моим рассказам, особенно той их части, которая относится к Антарктическому океану, был мистер По, незадолго, до того ставший редактором «Южного литературного вестника», ежемесячного журнала, издаваемого мистером Томасом У. Уайтом¹ в Ричмонде. Как и прочие, мистер По настоятельно рекомендовал мне, не откладывая, написать обо всем, что я видел и пережил, и положиться на проницательность и здравый смысл читающей публики; при этом он убедительно доказывал, что, какой бы неумелой ни получилась книга, сами шероховатости стиля, если таковые будут, обеспечат ей большую вероятность быть принятой как правдивое изложение действительных событий.

Несмотря на эти доводы, я не решился последовать его совету. Тогда он предложил (видя, что я непоколебим), чтобы я позволил ему самому описать, основываясь на изложенных мною фактах, мои ранние приключения и напечатать это в «Южном вестнике» *под видом вымышленной повести*. Не видя никаких тому препятствий, я согласился, поставив единственным условием, чтобы в повествовании фигурировало мое настоящее имя. В результате две части, написанные мистером По, появились в «Вестнике» в январском и февральском выпусках (1837 г.), и для того, чтобы они воспринимались именно как беллетристика, в содержании журнала значилось его имя.

¹ Томас У. Уайт (1788–1843) — печатник, в чьей типографии печатался журнал «Сатерн литерери мессенджер», который Э. По редактировал в 1835–1837 гг.

То, как была принята эта литературная хитрость, побуждало меня в конце концов взяться за систематическое изложение моих приключений и публикацию записей, ибо, несмотря на видимость вымысла, в которую так искусно была облечена появившаяся в журнале часть моего рассказа (причем ни единый факт не был изменен или искажен), я обнаружил, что читатели все-таки не склонны воспринимать ее как вымысел; напротив, на имя мистера По поступило несколько писем, определенно высказывающих убежденность в обратном. Отсюда я заключил, что факты моего повествования сами по себе содержат достаточно свидетельств их подлинности и мне, следовательно, нечего особенно опасаться недоверия публики.

После этого *expose*¹ всякий увидит, сколь велика та доля нижеизложенного, которая принадлежит мне; необходимо также еще раз оговорить, что ни единый факт не подвергся искажению на нескольких первых страницах, которые написаны мистером По. Даже тем читателям, кому не попался на глаза «Вестник», нет необходимости указывать, где кончается его часть и начинается моя: они без труда почувствуют разницу в стиле.

А.-Г. Пим. Нью-Йорк, июль, 1838 г.

¹ Изложение, отчет (*фр.*).

Меня зовут Артур Гордон Пим. Отец мой был почтенный торговец морскими товарами в Нантакете, где я и родился. Мой дед по материнской линии был стряпчим и имел хорошую практику. Ему всегда везло, и он успешно вкладывал деньги в акции Эдгартаунского нового банка, как он тогда назывался. На этих и других делах ему удалось отложить немалую сумму. Думаю, что он был привязан ко мне больше, чем к кому бы то ни было, так что я рассчитывал после его смерти унаследовать большую часть его состояния. Когда мне исполнилось шесть лет, он послал меня в школу старого мистера Рикетса, однорукого джентльмена с эксцентрическими манерами — его хорошо знает почти всякий, кто бывал в Нью-Бедфорде. Я проучился в его школе до шестнадцати лет, а затем перешел в школу мистера Э. Рональда, расположенную на холме. Здесь я сблизился с сыном капитана Барнарда, который обычно плавал на судах Ллойда и Реденберга, — мистер Барнард также очень хорошо известен в Нью-Бедфорде, и я уверен, что в Эдгартауне у него множество родственников. Сына его звали Август, он был почти на два года старше меня. Он уже ходил с отцом за китами на «Джоне Дональдсоне» и постоянно рассказывал мне о своих приключениях в южной части Тихого океана. Я часто бывал у него дома, оставаясь там на целый день, а то и на ночь. Мы забирались в кровать, и я не спал почти до рассвета, слушая его ис-

тории о дикарях с Тиниана и других островов, где он побывал во время своих путешествий. Меня поневоле увлекали его рассказы, и я постепенно начал ощущать жгучее желание самому пуститься в море. У меня была парусная лодка «Ариэль» стоимостью примерно семьдесят пять долларов, с небольшой каютой, оснащенная как шлюп. Я забыл ее грузоподъемность, но десятерых она держала без труда. Мы имели обыкновение совершать на этой посудине безрассуднейшие вылазки, и, когда я сейчас вспоминаю о них, мне кажется неслыханным чудом, что я остался жив.

Прежде чем приступить к основной части повествования, я и расскажу об одном из этих приключений. Как-то у Барнардов собрались гости, и к исходу дня мы с Августом изрядно захмелели. Как обычно в таких случаях, я предпочел занять часть его кровати, а не тащиться домой. Я полагал, что он мирно заснул, не обронив ни полслова на свою излюбленную тему (было уже около часу ночи, когда гости разошлись). Прошло, должно быть, полчаса, как мы улеглись, и я начал было засыпать, как вдруг он поднялся и, разразившись страшными проклятиями, заявил, что лично он не собирается дрыхнуть, когда с юго-запада дует такой славный бриз, — что бы ни думали на этот счет все Гордоны Пимы в христианском мире вместе взятые. Я был поражен, как никогда в жизни, ибо не знал, что он затеял, и решил, что Август просто не в себе от поглощенного вина и прочих напитков. Изъяснялся он, однако, вполне здраво и заявил, что я, конечно, считаю его пьяным, но на самом деле он трезв как стеклышко. Ему просто надоело, добавил он, валяться, словно ленивому псу, в постели в такую ночь, и сейчас он встанет, оденется и отправится покататься на лодке. Я не знаю, что на меня нашло, но едва он сказал это, как я почувствовал глубочайшее волнение и восторг, и его безрассудная затея показалась мне чуть ли не самой великолепной и остроумной на свете. Поднялся

почти штормовой ветер, было очень холодно: дело происходило в конце октября. Тем не менее я спрыгнул в каком-то экстазе с кровати и заявил, что я тоже не робкого десятка, что мне тоже надоело валяться, словно ленивому псу, в постели и что я тоже готов, чтобы развлечься, на любую выходку, как и какой-то там Август Барнард из Нантакета.

Не теряя времени, мы оделись и поспешили к лодке. Она стояла у старого полусгнившего причала на лесном складе «Пэнки и Компания», почти стучаясь бортом о разбитые бревна. Август прыгнул в лодку, которая была наполовину полна воды, и принялся вычерпывать воду. Покончив с этим, мы подняли стаксель и грот и смело пустились в открытое море.

С юго-запада, как я уже сказал, дул сильный ветер. Ночь была ясная и холодная. Август сел у руля, а я расположился на палубе около мачты. Мы неслись на огромной скорости, причем ни один из нас не проронил ни слова с того момента, как мы отошли от причала. Я спросил моего товарища, куда он держит курс и когда, по его мнению, нам стоит возвращаться. Несколько минут он насвистывал, потом язвительно заметил: «Я иду в море, а *ты* можешь отправляться домой, если угодно». Повернувшись к нему, я сразу понял, что, несмотря на кажущееся *безразличие*, он сильно возбужден. При свете луны мне было хорошо видно, что лицо его блее мрамора, а руки дрожат так, что он едва удерживает румпель. Я понял, что с ним что-то стряслось, и не на шутку встревожился. В ту пору я не умел как следует управлять лодкой и полностью зависел от мореходного искусства моего друга.

Ветер внезапно стал крепчать, мы быстро отдалялись от берега, и все-таки мне было стыдно выдать свою боязнь, и почти полчаса я решительно хранил молчание. Потом я не выдержал и спросил Августа, не лучше ли нам повернуть назад. Как и в тот раз, он чуть ли не с ми-

нута молчал и вообще, казалось, не слышал меня. «Потихоньку, полегоньку, — пробормотал он наконец. — Время еще есть... домой потихоньку, полегоньку». Другого ответа я не ожидал, но в тоне, каким были произнесены эти слова, было что-то такое, что наполнило меня неописуемым страхом. Я еще раз внимательно посмотрел на спутника. Губы его были мертвенно-бледны и колени тряслись так, что он, казалось, не может двинуться с места. «Ради бога, Август! — вскричал я, напуганный до глубины души. — Что случилось?.. Тебе плохо?.. Что ты задумал?» — «Что случилось?.. — выдавил он в полнейшем как будто удивлении и в тот же миг, выпустив из рук румпель, осел на дно лодки. — Н-ничего... ничего не случилось... поворачиваю назад... разве не видишь?» Только теперь меня осенило и я понял, в чем дело.

Бросившись вперед, я приподнял друга. Он был пьян, пьян до бесчувствия, так что не мог держаться на ногах, ничего не слышал и не видел вокруг. Глаза его совсем остекленели; в крайнем отчаянии я выпустил его из рук, и он, как бревно, скатился обратно в воду на дно лодки. Было ясно, что во время пирушки он выпил гораздо больше, чем я думал, и его странное поведение в постели было результатом последней степени опьянения, — в таком состоянии, как и в припадке безумия, жертва часто способна сохранять вид человека, вполне владеющего собой. Однако холодный ночной воздух сделал свое дело, нервное возбуждение под его воздействием начало спадать, и то обстоятельство, что Август, несомненно, весьма смутно сознавал опасность положения, в каком мы находились, приблизило катастрофу. Сейчас мой друг совсем лишился чувств, и никакой надежды на то, что в ближайшие часы он придет в себя, решительно не было.

Трудно представить меру моего ужаса. Винные пары успели улетучиться, я чувствовал себя вдвойне нерешительным и беспомощным. Я понимал, что не справлюсь с лодкой, что яростный ветер и сильный отлив гонят нас

навстречу гибели. Где-то позади собирался шторм, у нас не было ни компаса, ни пищи, и я знал, что если не изменить курс, то еще до рассвета мы потеряем землю из виду. Эти мысли наряду с массой других, столь же пугающих, с поразительной быстротой промелькнули у меня в сознании и на несколько мгновений парализовали мою волю к действию.

Наша лодка, то и дело зарываясь носом в кипящую пену, летела с чудовищной скоростью, полным ветром — ни на стакселе, ни на гроте рифы не были взяты. Чудо из чудес, что волны не проломили борта, — ведь Август, как уже говорилось, бросил румпель, а я сам был настолько взволнован, что мне не пришло в голову сесть к рулю. К счастью, лодка продолжала идти прямо, и постепенно я в какой-то мере обрел присутствие духа. Ветер угрожающе крепчал, и всякий раз, когда нас вознесило на гребень, волны разбивались о подзор кормы и обдавали нас водой. Но я почти ничего не ощущал: все члены моего тела словно одеревенели. Наконец я собрал последние силы и, с отчаянной решимостью кинувшись вперед, сорвал грот. Как и следовало ожидать, парус перекинуло ветром через нос, он намок в воде и потащил за собой мачту, которая, сломавшись, обрушилась в воду, едва не повредив борт. Только благодаря этому происшествию я избежал неминуемой гибели. Оставшись под одним стакселем, лодка продолжала нести по ветру, то и дело захлестываемая тяжелыми волнами, но непосредственная угроза все-таки миновала. Я взял руль и вздохнул свободнее, видя, что у нас еще есть какая-то возможность в конце концов спастись. Август по-прежнему лежал без чувств на дне лодки, и я начал опасаться, что он захлебнется (в том месте, где он упал, воды набралось почти на целый фут). Я ухитрился приподнять товарища и, обвязав вокруг его пояса веревку, которую прикрепил к рым-болту на палубе, оставил в сидячем положении. Сделав, таким образом, все, что

мог, дрожа от волнения, я целиком вверил себя всевышнему и, собравшись с силами, решил достойно встретить любую опасность.

Едва я пришел к этому решению, как вдруг неистовый протяжный вопль, словно взревела тьма демонов, наполнил воздух. Никогда, покуда я жив, мне не забыть сильнейшего приступа ужаса, что овладел мною в тот миг. Волосы у меня встали дыбом, кровь застыла в жилах. Сердце остановилось, и, не поднимая глаз, так и не узнав причины катастрофы, я покачнулся и упал без сознания на тело моего неподвижного спутника.

Очнувшись, я обнаружил, что нахожусь в каюте большого китобойного судна «Пингвин», держащего курс на Нантакет. Около меня стояло несколько человек, а бледный, как смерть, Август усердно растирал мне руки. Возгласы благодарения и радости, которые он издал, увидя, что я открыл глаза, вызвали улыбки облегчения и слезы на суровых лицах присутствующих. Вскоре разъяснилась и загадка того, как мы остались живы. На нас наскочило китобойное судно, которое, держась круто к ветру, направлялось к Нантакету на всех парусах, какие только рискнули поднять, и, следовательно, гало почти под прямым углом к нашему курсу. На вахте было несколько вперёдсмотрящих, но они не замечали нашу лодку до того мгновения, когда избежать столкновения было уже невозможно, — крики, которыми они пытались предупредить нас, завидев лодку, и повергли меня в ужас. Огромный корабль, как мне рассказывали, подмял нас с такой же легкостью, с какой наше утлое суденышко переехало бы соломинку, и без малейшего, хоть сколько-нибудь заметного замедления хода. Ни единого возгласа не донеслось с лодки, терпевшей крушение, был слышен лишь слабый, заглушаемый ревом ветра и волн, скребущий звук, пока нашу хрупкую скорлупу, которую уже поглотила вода, не протащило вдоль киля наскочившего на нас китобоя, и это все.